

1
Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР

МУРЗИКА

№ 5

Журнал ЦК ВКССМ
для школьников младших классов

МАЙ
1955







Первого мая дед и внук встали рано и вышли на улицу. Там уже было полно народу. Все пели, плясали, веселились. Везде играла музыка. Люди шли к центру города. Дед и внук тоже встали в ряд и пошли вместе со всеми. Деду дали нести лозунг. Внук сказал:

— Я тоже хочу нести!

И они вместе с дедом понесли красное полотнище. Всё кругом — и дома, и деревья, и небо — принарядилось к празднику. Деревья надели зелёные майские обновы. Небо нарядилось в самый лучший синий шёлк. Дома украсились флагами.

— Хорошая маёвка! — улыбнулся дед.

— Почему ты сказал «маёвка»? — спросил внук. — Ведь это называется демонстрация.

— А я по старой памяти, — и дед стал рассказывать внуку о том, как много лет назад рабочие решили объявить 1 Мая пролетарским праздником.

— Ведь рабочие всего мира, — говорил дедушка, — будь хоть француз, хоть немец, хоть японец, между собой друзья. Воевать им не из-за чего. Они всегда заодно. Вот и решили рабочие всех стран выходить Первого мая на улицу, устраивать маёвки, чтобы все знали: рабочий класс против войны, за свободу, за братство народов. Понял, внучек?

— Понял, — кивнул головой внук.

— То-то! — продолжал дед. — Только во многих странах рабочим не разрешали собираться. В царской

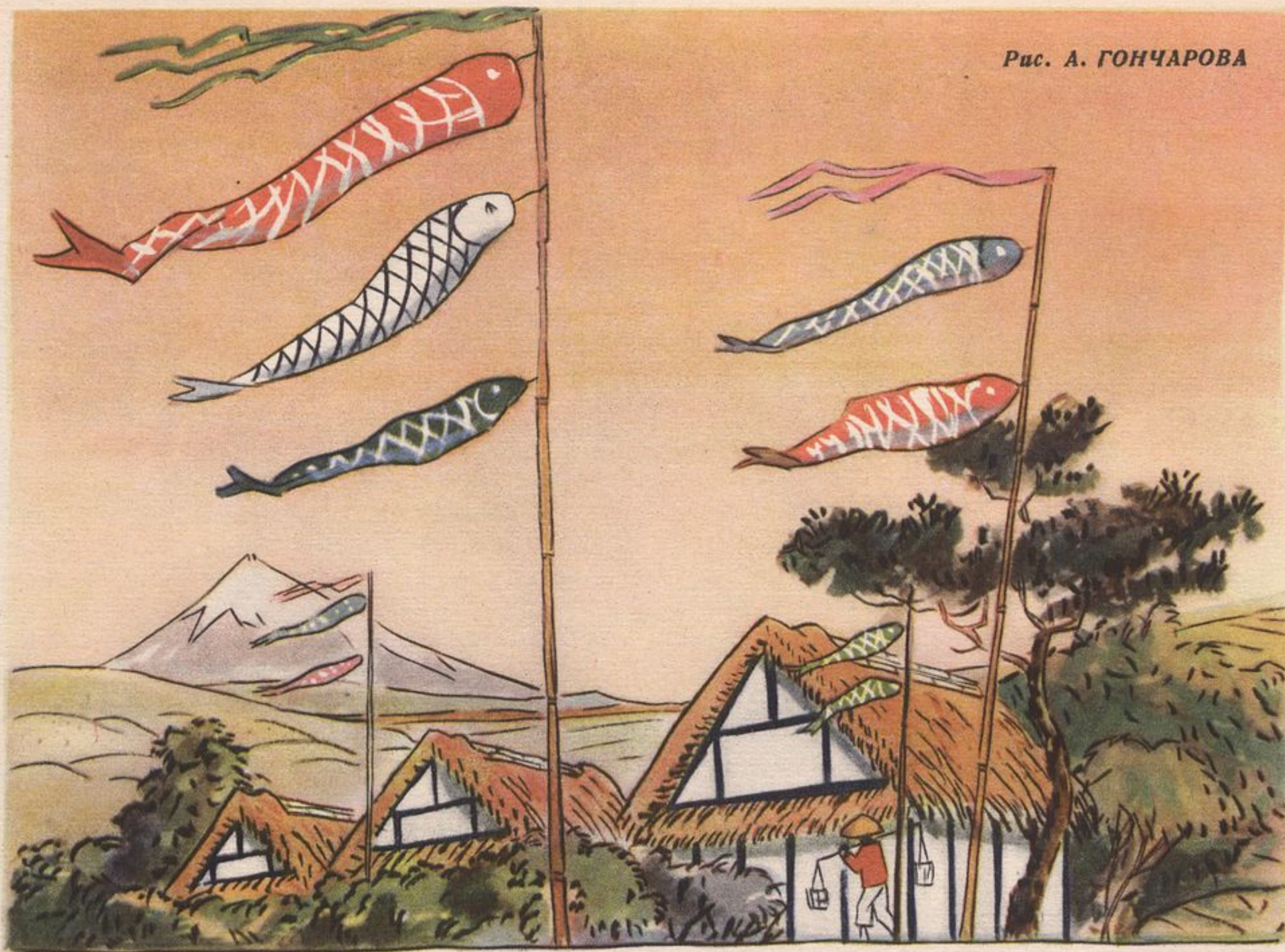
России, например, за маёвки в тюрьму сажали. Но мы этого не боялись. Помню, бывало Первого мая мы украдкой соберёмся где-нибудь в лесной глуши, подальше от полицейского глаза. Самоварчик с собой возьмём, гармошку — на всякий случай: вдруг полиция пронюхает, тогда сделаем вид, будто на гулянку собрались. А на самом-то деле мы там, в весеннем лесу, на маёвке, самые наши важные дела решали, самые наши сокровенные думы высказывали. Там и коммунисты выступали, рассказывали про Ленина, передавали его советы, как нам, рабочим, партию строить, как бороться за правое дело... А потом бывало и песню затянем: «Отречёмся от старого мира...» Пели тихонько, украдкой... А сейчас! — дед взмахнул рукой. — Идём мы с тобой открыто, свободно. Идём как хозяева. Всё вокруг наше, народное, — и города, и деревни, и земля, и небо, и даже вон то майское солнышко! — Дед улыбнулся. — И вместе с нами нынче на улицу вышли миллионы наших друзей: и в Китае, и в Корее, и в Польше, и в Албании, и в других странах. И все несут лозунги, вот как мы с тобой. Буквы

везде разные: где китайские, где болгарские, где русские, где немецкие, а написано повсюду одно: «Долой войну! Да здравствует Мир!» Понятно, внучек?

— Понятно, дедушка! — ответил внук и ещё выше поднял к синему майскому небу красное полотнище, на котором было трижды написано:

«МИРУ — МИР! МИРУ — МИР!
МИРУ — МИР!»





Дорогие советские дети!

Этой зимой я был в вашей стране.

Я посетил школу, где училась Зоя Космодемьянская. Она находится на окраине Москвы. Вокруг школы лежал снег, но когда я вошёл в эту прекрасную школу, я увидел, что на подоконниках зеленели фикусы, цвели диковинные цветы, как в Японии в мае. Дети прилежно учились, занимались гимнастикой, весело играли.

Я сразу же вспомнил май в Японии.

Май — самый чудесный месяц в Японии.

Поля, горы, дома окутаны свежей листвой; в голубом прозрачном небе, колеблемые ветром, плывут, словно переправляясь через водопад, бумажные карпы. Пятое мая в Японии называют «Танго» — праздник мальчиков. В этот день на высоких бамбуковых шестах вывешивают бумажных карпов, чтобы мальчики росли такими же мужественными, как карпы,

которые поднимаются вверх против течения сквозь бурный водопад. Разумеется, у домов помещиков и богачей вывешивают больших карпов да ещё прикрепляют к бамбуковым шестам бумажные вертушки, чтобы они шумели на ветру. Это символ богатства и власти.

Давно, когда я был маленьким, мой отец, бедный крестьянин, купил телёночка. И вот пятого мая я должен был косить траву для телёнка. Дети помещика и богачей, для которых родители вывесили красивых карпов, играли на деревенской площади, разодетые в красивые кимоно.

А меня мать послала на луг с корзинкой косить траву, которая осталась не скошенной крестьянами. Не успел я приступить к работе, как на луг прибежали такие же бедные дети, как я. Тогда я забросил серп и корзинку и, вместо того чтобы косить

траву, играл в прятки, прятался в густой листве ивы, потом мерялся силами в борьбе «сумо» и не заметил, как солнце село, далёкие горы окутал густой туман, а в деревне зажглись огоньки. Дети с песней убежали домой. Я взял корзину и пошёл в деревню. У дома помещика на бамбуковом шесте, к которому был прикреплён бумажный карп, шумела бумажная вертушка, словно хотела запугать меня. Дул ветер. Я замедлил шаги, сердце было полно зависти, печали и боли. Как, должно быть, рассердится отец, когда увидит лишь горсть травы на дне корзинки! Как будет печалиться мать, увидев, что у телёнка не будет корма и что мне попадёт от отца! Мама уже, наверно, вымыла ноги маленьким сестрёнкам. Обычно я всегда мыл сёстрам ножки в ручье возле дома, а теперь вот как далеко ушёл! И вдруг я невольно остановился у телеграфного столба. Столб приятно запел: хьюн! хьюн! Приложил я к нему ухо; провода вели рассказ о чём-то очень приятном.

«А, — подумал я, — это где-то далеко-далеко, в южной стране или в северной стране, дети поют песни и весело разговаривают. Может быть, они собрались в тёплой светлой комнате вокруг отца с матерью. Отец читает им интересную книжку, мать что-нибудь прибирает. Это их голоса доносят провода. Они счастливые, эти дети! Спокойно учатся, играют. Где-то на земле непременно есть такая счастливая

страна. Как было бы хорошо увидеться с этими ребятами, поговорить с ними, попеть, поиграть!»

Так думал я, прислонившись в темноте к телеграфному столбу.

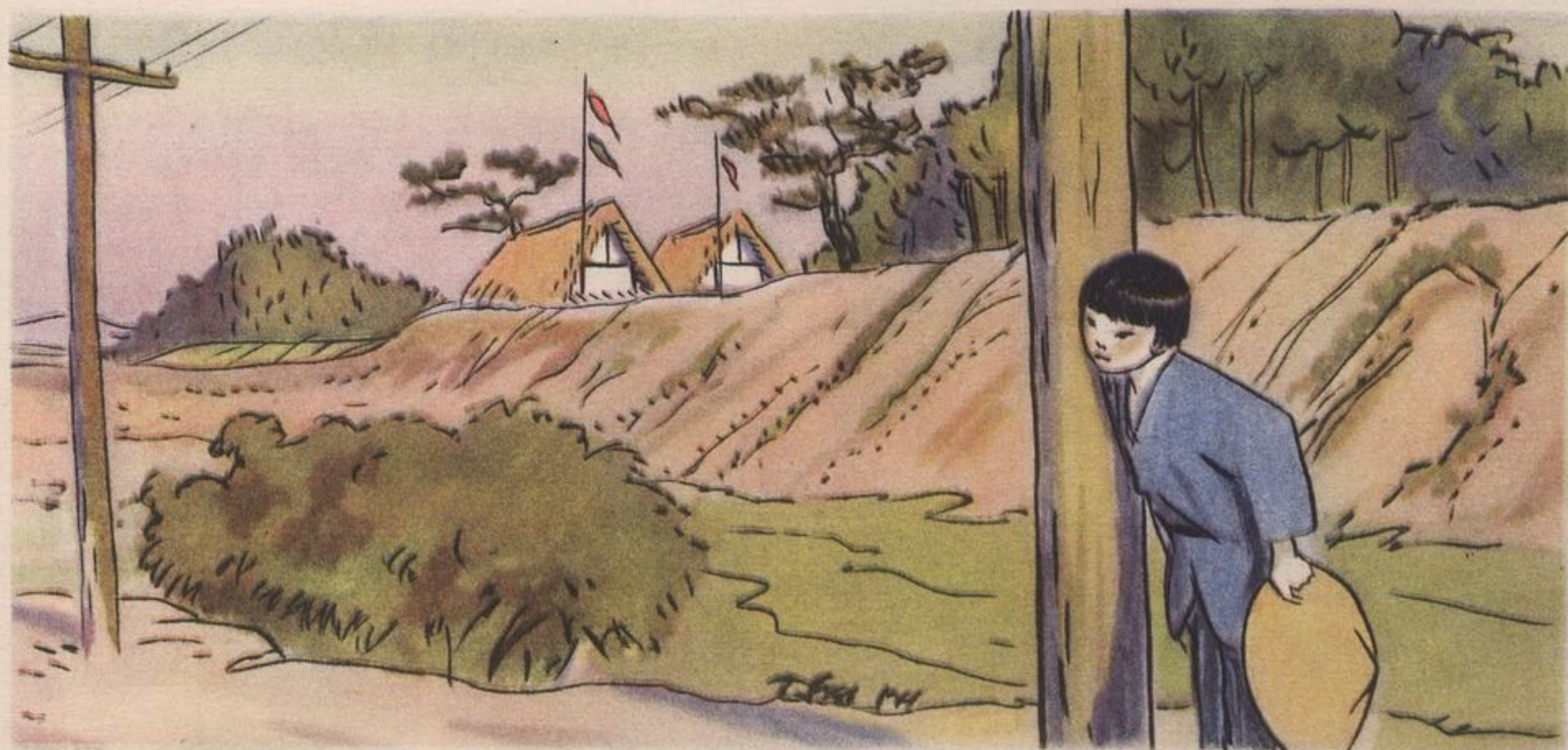
...Сорок лет искал я эту счастливую страну. И вот приехал в Советский Союз и увидел в школе детей, которые прилежно занимаются, весело играют и хорошо отдыхают. И я подумал: «Вон она, эта счастливая страна, которую я искал! Вот те дети, с которыми я хотел поговорить!»

Дети моей родины, Японии, учатся, дрожа от холода в классах, без печей зимою, когда идёт снег. Но когда приходит май, когда скверы и сады на школьных дворах покрываются свежей зеленью, а в голубом небе висят цветные бумажные карпы, ребята поют песни, играют, веселятся. И когда московское радио днём передаёт песни о мире, которые поют советские дети, в японских городах и деревнях уже вечер и дети при свете лампочек, облокотившись о стол, слушают песни мира, доносящиеся из Москвы.

И я думаю, что обязательно придёт день, когда японские дети споют для советских детей песни о мире, и обязательно придёт день, когда советские и японские дети будут петь вместе одну и ту же песню о мире.

Я хочу, чтобы этот день пришёл!

ИВАКАМИ ДЗЮНИЦИ,
японский писатель



ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК МАЛЕНЬКИЕ ЛАСТОЧКИ ПОЛЕТЕЛИ ЗА ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛИ

ЦИНЬ ЧЖАО-ЯН

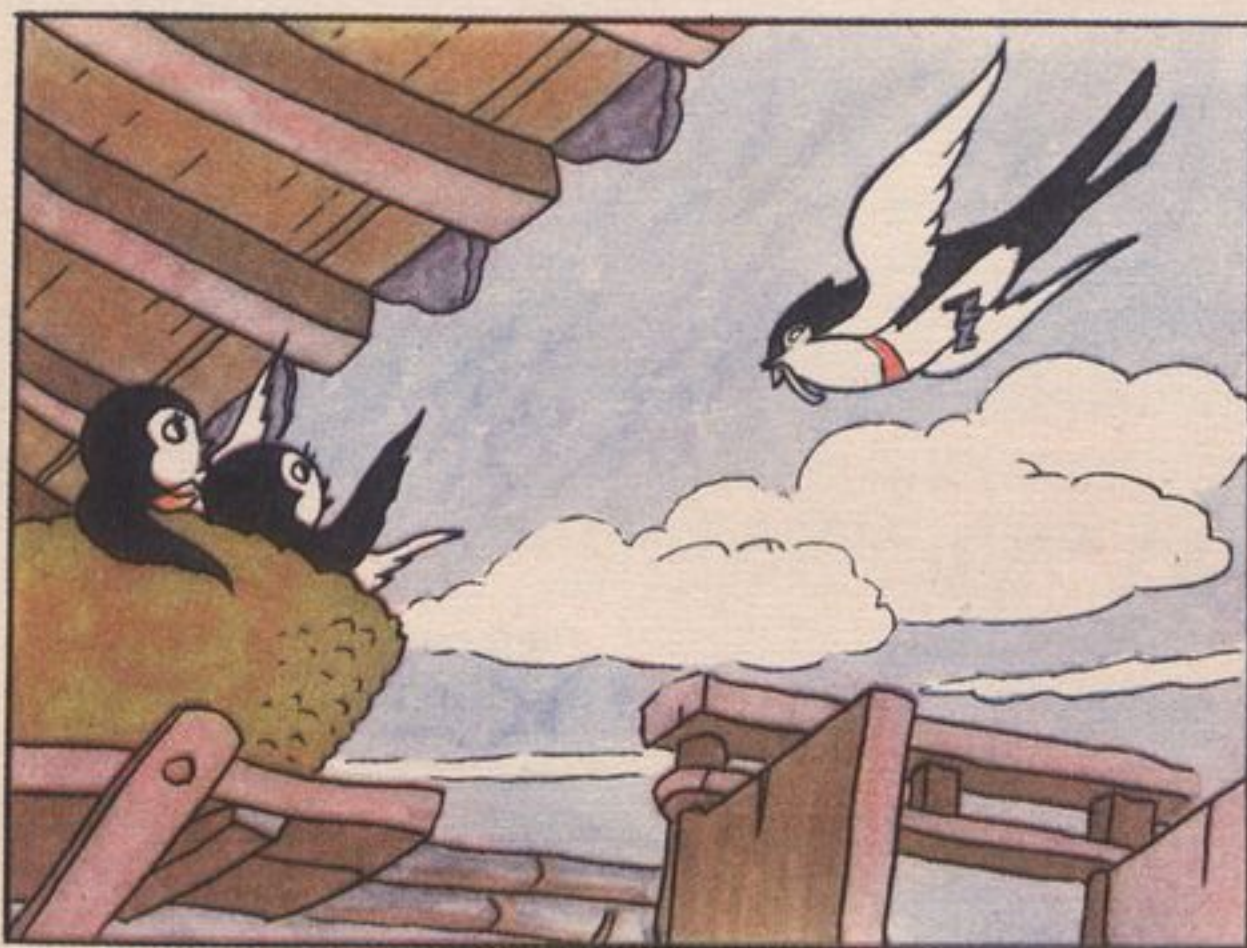
Рис. ДОУ ЦЗУН-ГАНЯ и ЛЮ ВЭЯ

Жила-была на крыше под карнизом ласточка. У неё было двое детей. Она очень их любила. Ловила для них мошкар, расчёсывала им клювом пёрышки, укрывала их на ночь своими крыльями и пела лучшие колыбельные песни. А когда птенцы подросли, она им сказала:

— Вот что, дети: вы уже не маленькие. Пора вам летать научиться!

— А зачем нам летать? — отозвались дети. — Нам и так хорошо! Сидим в тёплом гнёздышке, букашками лакомимся и забот не знаем.

— Не век же вам тут сидеть! — возразила мама. — Скоро настанет время, ко-



гда нам с вами придётся полететь очень далеко.

— А мы не хотим далеко, у нас крылышки заболят.

— Тогда вы с голоду умрёте.

— Не умрём, мама, ведь ты нас досыта кормишь!

— Что ж, вы так и будете сидеть на маминой шее? — рассердилась ласточка. — А что с вами станет, когда мамы возле вас не будет?

— Как же это тебя не будет? — удивились птенцы.

— Очень просто. Когда наступят холода, я полечу на юг. Там тепло, там вечнозелёные деревья, там полно букашек и мух. А вы тут погибнете от холода и голода.

Но ленивым птенцам ни за что не хотелось покидать тёплое насиженное гнёздышко. Тогда старая ласточка стала их уговаривать по-другому:

— Поглядите на небо! Видите, какое оно высокое, какое просторное! Неужели вас не тянет покружиться в нём, полетать, покувыркаться?

— Нет, — сказали птенцы. — Нам и отсюда, из гнезда, всё небо видно.

— Не хотите в небо, тогда в степь полетим, — продолжала ласточка, — там цветочки да листочки, поля да луга, озёра да речки...

А птенцы в ответ:

— Да мы отсюда, с крыши, всю степь увидим!

— Глупые вы, преглупые! — закричала мама. — Разве отсюда увидишь весь наш великий Китай, все его степи и поля, горы и реки! Нет на свете краше нашей Жёлтой реки! Её воды сбегают с высоких гор и бегут тысячи-тысячи ли*. Нет на свете реки могучее нашей Янцзы! Бурлящими ключами вырываются её воды из-под земли и текут ещё дальше, чем Жёлтая река. А моря Китая! А горы Китая! Нет их глубже, нет их выше на земле!

Но неразумные птенцы стоят на своём: не хотим лететь, нам и здесь хорошо!

Тут ласточка рассердилась:

— Помните: уйдёт лето, вам худо будет!

— А разве может лето уйти?

— Конечно, и лето и осень — всё уходит. Минута за минутой, час за часом уходит время, точно ли под ногами путника.

— Ты шутишь, мама! — засмеялись птенцы. — Разве время может ходить? Значит, у него есть ноги? Вот мы поймаем его за ноги, и оно не сможет уйти.

Как только ласточка улетела за мошкой, птенцы высунулись из гнезда и стали высматривать ноги времени. Внизу лежали тени от деревьев. Они медленно ползли от одной стены к другой.

«Вот они, ноги времени», — подумали птенцы.

Они набрались храбрости и выпрыгнули из гнезда, кое-как на своих слабых кры-

* Ли — мера длины.



лышках долетели до земли и давай цепляться клювами за края теней. Но тени оказались сильнее и всё ползли вперёд. «Нет, это не ноги времени, — решили птенцы. — Пойдём поищем их в другом месте!»

Помогая друг другу, они с великим трудом вылетели со двора и добрались до степи. Там им захотелось есть. Но мамы рядом не было. Пришлось им самим поохотиться за букашками. Сначала дело не ладилось. Потом они нашли на конопляном листе гусеницу и вдвоём съели её. Признаться, такого лакомого куса они ещё никогда не отвеदывали. Птенцы повеселели. Весь день они носились по степи. Но вот настал и вечер. Взошла луна. Птенцы сели отдохнуть на иву над прудом. Вдруг один из них заглянул в пруд и вскрикнул:

— Посмотри-ка, братец, что там такое!



По воде медленно плыло что-то круглое и блестящее. Это было отражение луны. А птенцы закричали:

— Вот они, вот они, ноги времени! Лови!

Они ринулись вниз и вдруг ка-ак ударятся о воду, чуть не захлебнулись. Насилу опять взобрались на йву и долго отряхивались, пока не заснули.

На другой день птенцы опять принялись искать ноги времени. Искали-искали, пока не долетели до широкой реки. Она медленно и спокойно катила свои глубокие воды.

— Берегись, братец, а вдруг это тоже вода?!

— Нет, это не вода. Видишь, как оно медленно движется? Это, наверное, само время движется. Давай полетим за ним.

И глупые ласточки полетели вдоль реки. Днём летят, ночью отдыхают, днём летят, ночью отдыхают...

Так прошло много дней и ночей. Деревья и трава пожелтели. Поля опустели. Букашек стало мало-мало. А дни становились всё холодней да холодней. Ушло лето. Ушло время. Где же его ноги? Нет их нигде!

Бедные ласточки закоченели. Они стали вспоминать маму. Она, конечно, уже на юге. Там тепло, там хорошо, там полно букашек. Но как туда попасть?

Птенцы прижались друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Вдруг они увидели стаю гусей. Гуси летели длинной верени-



цей и пели на лету походную песню. А когда они опустились отдохнуть, ласточки подлетели к ним и спросили:

— Скажите, пожалуйста, куда вы путь держите?

— На юг, — ответили гуси.

— Возьмите нас с собой. Там где-то на юге наша мама.

— А хватит ли у вас силёнок? — спросил самый главный гусь, вожак. — А приказы будете выполнять? А дисциплину будете соблюдать?

— Будем, будем! — отвечали птенцы.

И вот на рассвете послышалась команда вожака:

— Га-га! Пора! Пора в путь-дорогу!

Гуси поднялись, построились в походную колонну и полетели. А сзади всех летели две маленькие ласточки. Но где им, малышам, угнаться за гусями! Как ни махали ласточки крылышками, как ни старались, они начали отставать, отставать, а потом и вовсе упали на землю.

Но гуси не оставили их в беде. Вожак приказал двум самым сильным гусям занять место позади стаи, а маленьким ласточкам держаться за гусиные хвосты. Так и полетели. Ласточкам было очень тяжело. Поджатые лапки затекали. Дышать было трудно. Но ласточки не падали духом.

Гуси всё время им помогали. Увидят, что ласточки устали, — сделают привал. Увидят, что ласточки проголодались, — накормят их. Увидят, что ласточки стали чуть лучше держаться, — подбодрят их. И ласточки мало-помалу стали привыкать к полёту, к ветру, к холоду, к темноте, к дождям.

— Гуси держатся, и мы продержимся. Столько пролетели, ещё пролетим, — говорили они друг другу. Они окрепли, подросли, крылья у них стали больше и сильнее. И вот, наконец, наступил час, когда они перестали держаться за гусиные хвосты и сами полетели вровень с большими и сильными гусями.

Много дней и ночей летели они над Китаем.

Китай велик. У ветра уж на что легкие и быстрые крылья, и то ему весь Китай



не одолеть. Недаром по Китаю гуляют разные ветры. Один дует с юга — это добрый ветер, он несёт с собой тепло. Долетит до Жёлтой реки и ляжет отдыхать. Другой ветер суров — это северный ветер, он летит с севера на юг, он хочет добраться до южных морей. Но путь слишком велик. Долетит ветер до реки Янцзы и тоже ложится отдыхать. Западный ветер спешит на восток, но никак ему не добраться до полуострова Шаньдун. Восточный ветер рад был бы добраться до Гималайских гор, да сил не хватает...

Нет такой огромной тучи, которая могла бы закрыть всё небо над Китаем. У самого сильного ливня, у самой злой грозы не хватит дождевых капель, чтобы окропить весь Китай!..

Летят гуси и ласточки над Китаем. Внизу, точно клетчатые платки, расстилаются поля. Мягкими коврами стелются луга. Шёлковыми лентами блещут реки. Точно зеркала, сверкают озёра. словно парчовые шарики, зеленеют рощи. А горы вздымаются, словно волны в море...

Но вот внизу заблестело большое озеро. Гуси перестали махать крыльями и сказали:

— Мы дома! А вам, ласточки, надо лететь дальше, на юг, к морю, искать маму. До свидания!

Гуси остались на озере, а ласточки полетели дальше, на юг, к синему морю. Летели-летели и, наконец, сверху увидели огромное тёплое море. На берегу стояли розовые скалы и тенистые вечнозелёные

деревья. На макушке самого высокого дерева сидела старая ласточка и тревожно смотрела вдаль.

— Мама! Вот наша мама! — закричали птенцы.

Ласточка так и кинулась к ним:

— Дети, милые дети, как я скучала без вас! Какие вы стали большие и сильные! Как вы пролетели столько тысяч ли?

Дети стали ей рассказывать:

— Мы искали ноги времени, да так и не нашли...

— Ошибаетесь, дети! — сказала старая ласточка. — Вы закалились, окрепли, вы стали выносливыми и смелыми, значит вы не теряли времени даром, значит вы его нашли и поймали за ноги. Но помните: если будете сидеть, сложа крылья, вы его опять потеряете.

— Нет, мама, — отвечали дети, — мы его не потеряем! Мы хотим полететь на север и на юг, на запад и на восток. Мы хотим увидеть высочайшие вершины Гималаев и глубокие воды рек Янцзы и Жёлтой. Мы хотим побывать у Великой Китайской стены и пролететь над Красной площадью Пекина. У нас выросли могучие крылья, и мы хотим облететь весь Китай. Прощай, мама, прощай!

И отважные ласточки простились с матерью и отправились в дальний и трудный поход. А старая ласточка сидела на макушке самого высокого дерева, смотрела им вслед, махала крыльями и приговаривала:

— Счастливого пути, дети! Счастливого полёта!

Пересказал для детей Я. Тайц



РЕЧКА ПОКОЛЕНКА

Н. ГЛАЗКОВ

Рис. Г. ДМИТРИЕВОЙ

Наша речка Поколенка
Не годилась никуда.
В нашей речке было мелко,
Чуть струилась в ней вода.

Но вожатый наш однажды
Предложил ребятам всем
Сделать глубже речку нашу,
Изменить её совсем...

Деревенские ребята
Притащили ивняка.
Как отметил наш вожатый,
Строить надо
На века!



Мы возили в тачках глину,
Щедро сыпали песок
И построили плотину
За три дня — в кратчайший срок!

У плотины, как у стенки,
На четыре метра ввысь
Воды нашей Поколенки
Незаметно поднялись.

В жаркий день нас манит заводь:
В ней прохладная вода.
Каждый день приходим плавать
Мы из лагеря сюда.

В нашей заводи не мелко:
Дна руками не достать!..
Все ребята Поколенку
Пионеркой стали звать!

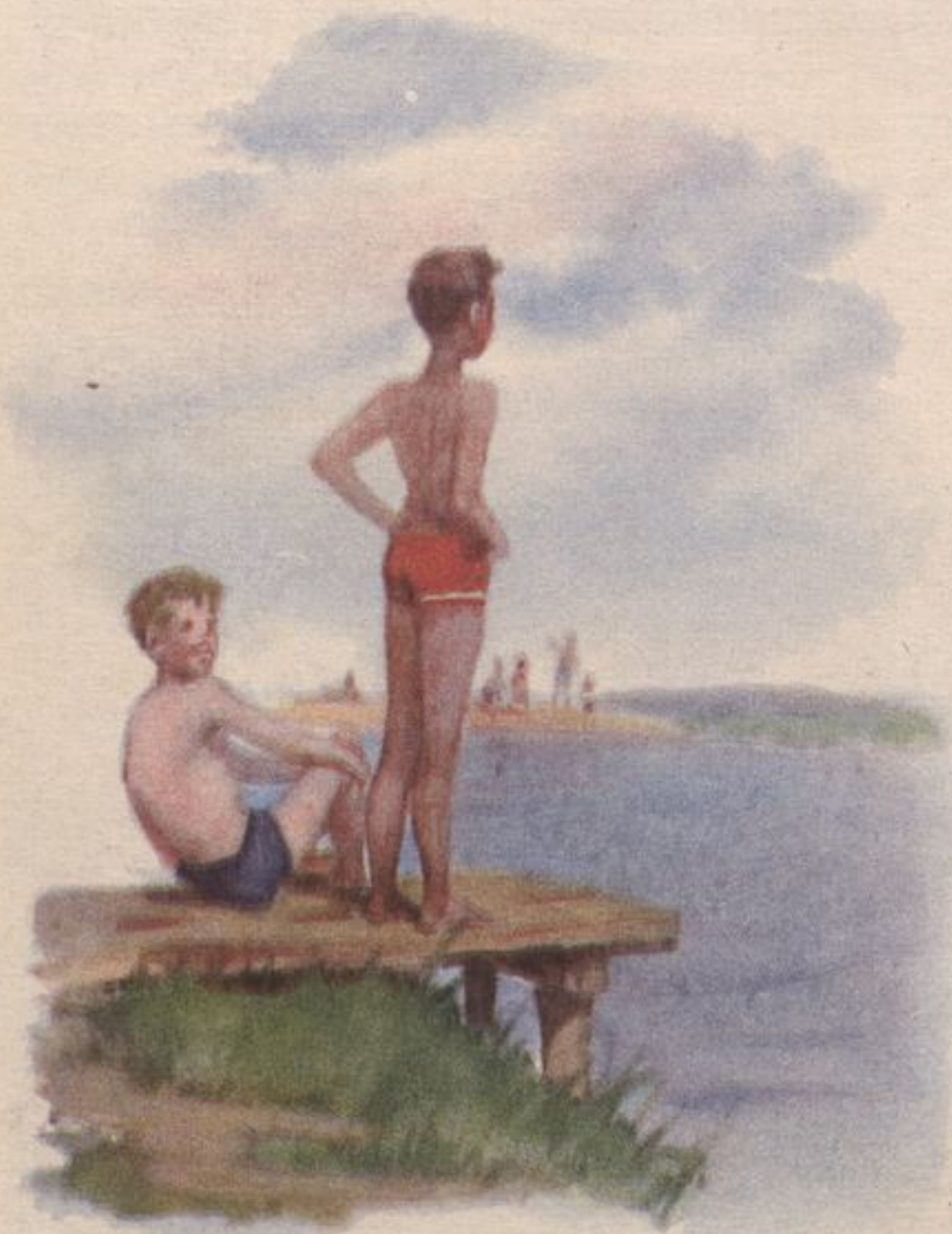


Рис. А. ЕРМОЛАЕВА,
Г. НИКОЛЬСКОГО,
НИК. ПЛАСТОВА

Я. АКИМ

Песенка в лесу

СКАЗКА

Гуляла девочка в лесу
Погожим утром ранним,
Сбивала прутиком росу
На ягодной поляне,

Венки пахучие плела
Да землянику ела...
Гуляла девочка в лесу
И потихоньку пела:

«Свети нам, солнышко, свети
Над лесом, над дорогой.
Грибы и ягоды расти
Без солнышка не могут.

Свети для каждого цветка
С восхода до заката.
И лес, и поле, и река
Теплу и солнцу рады!»

Вертялый зяблик из гнезда
Головку тотчас свесил.
Кто-кто, а зяблики — куда
Охотники до песен.

Певун дослушал до конца,
Встряхнулся хлопотливо,
И залился, и залился
С высоким переливом:

— Эй, слушай все, кто есть
в лесу!

Я песню новую несу!

Спросил его колючий ёж:
— Какую песню ты поёшь
Так радостно и звонко?



A vertical watercolor painting of a slender tree. The trunk is light greenish-yellow with dark brown spots, suggesting bark texture. The foliage is dense and dark, with some lighter green leaves visible. The tree is set against a plain, light background. The base of the tree shows some ground texture in muted greens and browns.

Зимой тоскуют журавли
И лета не дождутся —





НА ГОРЕ ТЕП-СЕНЬ

Л. ВОРОНКОВА

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Гора Теп-Сень не крутая — округлая, будто каравай. Ни одного деревца не растёт на этой горе, ни одного кустика.

Но Данилка и не искал здесь зелёных веток или цветов. Он просто хотел поглядеть, что теперь стало на горе? На вершине давно уже работает камнедробилка, гудит там с утра до ночи. Грызёт стальными зубьями камень, дробит его...

Вдруг Данилку окликнул звонкий голос:

— Данилка! Куда бредёшь в такую жару?

В холодке, под тенью большого камня, сидела девочка в голубом платье и в белом платочке, надвинутом на брови. Это была Варя Каштанова. Её брат Николай работал на камнедробилке.

— А тебе не жарко? — возразил Данилка и хотел итти дальше, но Варя сказала:

— А я воды нашим принесла. Прямо из ключа.

Данилка ничего не ответил и прошёл мимо. Тогда Варя опять остановила его:

— А наши как взрывали, так вот что нашли! — Варя что-то держала в ладонях.

Данилке стало интересно. Он остановился.

— Что?

— Подойди да погляди, — ответила Варя.

Данилка сбежал к ней с тропочки, сел рядом в холодок на пахучую полынь. Тогда Варя раскрыла ладони, и Данилка увидел две тусклые жёлтые монеты.

— Деньги? — удивился Данилка.

— Может, и деньги, — неуверенно сказала Варя, — старинные какие-нибудь!..

Данилка молча смотрел на монеты. Он хотел взять их в руки подержать, но Варя не дала: потеряет ещё.

— Мне их самой подержать дали, — сказала она, — чтобы, пока работают, не потерялись.

— А потом?

— Потом наш Николай их к учителю понесёт. А может, что-нибудь очень важное в этих монетах?

— А когда он понесёт?

— Вот будет перерыв на обед, так и понесёт. — И она зажала монеты в горячей ладони.

Варя и Данилка сидели около камня. Солнце палило. Камень дышал на них зноем. Тени под ним почти не оставались.

— Когда же обед... — начал было Данилка.

И тут, будто по его слову, камнедробилка остановилась, и в горах сразу наступила тишина. Данилка вскочил:

— Пошли!

Варя вскочила тоже. Она взяла пустой бидончик, который лежал около неё, на-



дела дужку на руку. И снова позвенела монетами в ладонях.

— Варя, они только две нашли, — сказал Данилка, стараясь шагать с Варей в ногу. — А в земле-то их, если всю Теп-Сень раскопать, может, ещё много?

Варя посмотрела на него сверху вниз. Данилка даже до плеча ей не доходил.

— Что же их там сеяли, по-твоему? Скажет тоже! Вот воробей!

И тут же, увидев Николая, закричала:

— Николай, мы с тобой! Ладно?

— Ладно, — ответил Николай, — только я ведь дожидаться вас не буду. Одна нога здесь, другая — там. У меня времени мало.



Вот, подумаешь, испугал Николай Варю и Данилку! Они, как козы, припустились с горы. Николай был высокий, ноги у него длинные. Но он всё-таки отстал от ребят.

Варя и Данилка то догоняли, то перегоняли друг друга.

К учителю дому всё-таки первым прибежал Данилка. Весь красный, запыхавшийся, он вскочил на каменную ступеньку и весело поглядел на Варю:

— Ага! Я первый!

— Ты ничего не нёс, — сказала тогда Варя, — а я бидон. И ещё — эти монеты...

Она разжала ладонь и вдруг примолкла. Глаза её широко раскрылись: в руке была только одна монетка. Варя растерянно поглядела под ноги, туда, сюда...

— Потеряла?! — испугался Данилка.

— Не знаю... — упавшим голосом ответила Варя.

И вдруг по её загорелым, румяным щекам покатились крупные слёзы.

— Это всё ты, Данилка! Если бы не ты, я бы тихо шла... А сейчас Николай... вон он, уже близко... Ой, где же эта монетка?.. Противный ты, Данилка, из-за тебя всё...

Варя, пристально глядя под ноги, побрела обратно на гору.

Данилка нахмурился. Теперь, оказывается, он виноват стал! Он постоял, постоял на ступеньке и тоже пошёл искать монетку.

«Теперь всё равно не найти, — думал он. — Кабы я нёс, я бы не потерял... А теперь — где же? Камни, полынь...

И вдруг он увидел монетку. Она лежала в пушистом полынном кустике и чуть-чуть светилась под солнцем. У Данилки забилося сердце. Он подбежал и схватил монету. Да, это она, жёлтая, с какими-то рисунками и нерусскими надписями.

— Варя! — негромко крикнул Данилка.

Варя обернулась — заплаканная, с оттопыренными губами.

— Чего тебе ещё?

Данилка показал ей монету. У Вари слёзы на щеках сразу высохли. Она в три прыжка очутилась возле Данилки.

— Нашёл? Давай сюда!

— Я сам понесу, — сказал Данилка.

Но Варя и слышать не хотела:

— Мои монеты. Мне их дали нести, а не тебе.

И Варя отняла монету у Данилки.

Данилка не стал спорить. Но ему вдруг стало так скучно, что не захотелось и к учителю идти.

Тут с Данилкой поравнялся Николай.

— Давай, давай, прибавляй шаг, — сказал он, — вместе шли, вместе и прийти должны.



А Варя уже стояла на белых ступеньках и, сложив ладони, позвякивала монетами. Но посмотрела на Данилку и перестала звякать... А вдруг он возьмёт да скажет, как она дорогой монету потеряла?

Но Данилка молчал. И Варя успокоилась, засмеялась:

— Шагай, шагай, воробей! Сам к учителю просился.

Николай взошёл на веранду, всю обвитую голубым вьюнком. Хотел постучать в белую учительву дверь. Но дверь открылась сама. Учитель услышал голоса и вышел на терраску.

— Здравствуйте, Фёдор Савельич, — сказал Николай и снял кепку.

— Здравствуйте, Фёдор Савельич, — повторила Варя.

И Данилка прошептал:

— Здравствуйте.

Учитель позвал их в холодок, где вьюнок вился погуще, усадил на скамейку. Николай взял у Вари монеты и протянул учителю:

— Вот взрывали гору и нашли. Стоящее что-нибудь или так себе?

Учитель долго разглядывал монеты сквозь свои большие очки.

— Мне кажется, стоящее, — сказал он, когда разглядел монеты со всех сторон. — По-моему, это очень древние золотые монеты. Завтра же поеду в Феодосию, покажу их в музее. Может, на этом холме целый город под землёй лежит! Мо-

лодец, Коля, что ко мне пришёл! Интересная находка. Особенно вот эта. Тут все надписи отлично сохранились! — И он указал как раз на ту монету, которую Варя потеряла, а Данилка нашёл.

— Это я их несла всё время! — живо сказала Варя. Ей очень хотелось, чтобы учитель её похвалил. — Они работали, а мне дали беречь. Я их и сюда несла!

— Молодец, Варя! — похвалил её учитель. — Я так в Феодосии и скажу, что ты их берегла.

От этих слов Варя стала румяная, как пион.

Николай встал, простился с учителем.

— Мне пора. Перерыв скоро кончится.

— Ступай, Коля, ступай, — сказал учитель. — До свидания, товарищи!..

И всем подал руку — и Николаю, и Варе. И Данилке подал.

— Ты хоть и не хранил и не нёс, но и тебе спасибо, Данила Цветиков. Сопровождал всё-таки.

Данилка ничего не ответил.

Вышли на улицу. Николай ушёл на гору. А когда он ушёл, Варя ласково сказала:

— Ты, Данилка, не сердись, что я тебя воробьём называла. Это я так, в шутку.

Она была очень рада, что Данилка ничего не сказал про монету.

— Знаешь, Данилка, ты хоть и маленький, а молодец! С тобой дружить можно. Давай дружить?

Но Данилка ничего не ответил. Он сунул руки в карманы, повернулся и пошёл домой по мягкой пыльной деревенской улице.

Варя посмотрела ему вслед и нахмурилась. Такому воробью сказали: «давай дружить», а он повернулся и пошёл. Вот ещё!

Варя сердито забросила косу за плечо. Она запела, чтобы Данилка слышал, и пошла домой. Дом их стоял высоко, на склоне горы. Она шла и оборачивалась, и поглядывала сверху на Данилку:

«Ох, какой! И что это он о себе думает?»

А Данилка уходил всё дальше и дальше. Он ни разу не обернулся, будто Вари и вовсе не было. А думал он, наверно, что с ним-то дружить можно, а вот с Варей дружить нельзя.



ОТРЯД ПОМОЖЕТ

ИМРОМИ ИСАКОВ

Рис. С. АГОЯНА

Ребята, взяв отрядный план,
Его читают снова.
Хоть в нём про девочку Гюлан
Не сказано ни слова,
Но к ней сегодня весь отряд
Пойдёт из школы прямо...

Гюлан не встретила ребят,
А в сакле только мама.
Лежит тихонечко она, —
Как видно, тяжело больна.

— Вот непонятные дела, —
Промолвил Магомет: —
Гюлан и в школе не была,
И дома тоже нет.

— Да где ж она? — спросил Али. —
А вдруг мы не туда пришли?

Но вот Гюлан вернулась в дом,
А там ребят полно.
— Ну где же ты? Тебя мы ждём,
Не виделись давно.
Забыла ты дорогу в класс...
Ты что, не рада видеть нас?

Гюлан немного смущена
И даже покраснела,
Стоит в переднике она
И говорит несмело:

— А я в коровнике была,
Доила там корову,



Телёнку ясли убрала, —
Ведь мама нездорова.
Я в школе не была три дня...
Вы не сердитесь на меня.

Картошку надо мне копать,
Ведь мама встать не может.
Кому сестрёнку искупать?
Кто спать её уложит?

Она не кушает сама,
Моя сестрёнка Фатима.
Её кормлю, за ней слежу,
Ну, вот и в школу не хожу.

Гюлан потупила глаза,
Скатилась по щеке слеза.

Ребята отвечали ей:
— Мы все тебе поможем!
Давай сестрёнку нам скорей,
Её мы нянчить сможем.

Мы в огород пойдём сейчас
Копать твою картошку.
Гюлан, надейся ты на нас,
Поможем понемножку

— Я расскажу, — сказал
Осман, —

Что задавали на дом.
Тебе поможем мы, Гюлан,
Поможем всем отрядом!

И ты опять вернёшься в класс,
Ты не горюй, не нужно...
Ведь хорошо, что есть у нас,
Что есть на свете дружба?



Перевела с татского Нина Найдёнова

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. Н. СТРОГАНОВОЙ, М. АЛЕКСЕЕВА

Весенняя безлунная ночь. Я иду на охоту за тетеревами. Кругом старый лес. Потом он кончается, и я выхожу на поляну. Мне надо найти мой шалаш. Его я смастерил ещё накануне днём из тонких берёзок. А все щели между ветвями аккуратно заткнул клоками старого сена.

Наконец я ощупью нахожу шалаш и забираюсь внутрь. Теперь я могу спокойно сидеть в своей засаде и ждать рассвета.

На утренней зорьке сюда на поляну прилетят лесные петухи — тетерева. В моей засаде они меня не заметят, и когда рассветёт, я сумею застрелить одного, а может, и пару краснобровых лесных красавцев.

Весенней ночью лес полон разных звуков: то филин заушает, то, свистя крыльями, пронесётся стая уток, то тоненьким голоском не то заржёт, не то загукает заяц. Только ранней весной и можно услышать голос этого робкого, молчаливого зверька.

Но вот через поляну с гортанным криком «хор-хор» пролетел лесной кулик — вальдшнеп. Значит, скоро рассвет.

Вдруг возле шалаша как зашипит что-то: «чу-фш-ш-ш-ш...», помолчал немного и снова: «чу-фш-ш-ш-ш...» Вот он, желанный гость, старый тетерев-токовик, первым пришёл пешком на поляну и ещё до света подал голос тетеревиному сборищу, или току, как его называют охотники.

Тетерева начали слетаться на место тока. Тяжёлые крупные птицы садились

вокруг моего шалаша. Я слышал их, но ничего не мог разглядеть в серой предутренней мути. С громким хлопанием крыльев тетерева подсакивали и перелетали с места на место. Потом они замирали на месте и заводили длинную воркующую трель: «уру-ру-ру-ру!..»

С каждой минутой становилось светлее. Я уже начал различать силуэты отдельных птиц. Они распускали лирой свои чёрные на белой подкладке хвосты и, припав к земле, долго монотонно ворковали.

А вон, в стороне, у куста с громким чuffyканьем сходятся два лесных драчуна. Подступают друг к другу всё ближе, ближе, сейчас сцепятся. Но тут что-то случилось. Все тетерева разом сорвались с поляны и исчезли в лесу. Кто же спугнул их?

Лёгкий треск сучьев заставил меня обернуться. Из кустов на поляну выбирался кто-то на четвереньках. Охотник? Да нет, это вовсе не человек, а какой-то зверь. Медведь! Вот он совсем вылез из-за веток, а следом выскочили два медвежонок.

В первую минуту мне сделалось как-то не по себе. Но тут же я устыдился: «Какой же ты после этого натуралист, если испугался зверя в лесу, да ещё самого трусливого? Ведь только свистни, его уж и след простыл!»

Между тем медведица начала разламывать лапами старые трухлявые пни: очевидно, выбирала оттуда разных жуков и личинок. Один медвежонок подбежал к матери и стал тыкать мордой в труху. А другой отправился бродить по полянке.

Вдруг медвежонок остановился как вкопанный: видно, что-то заметил на земле. Вот он приподнялся на дыбки, потом снова опустился на четвереньки и осторожно, с опаской вытянул лапу вперёд. Тронул что-то и отдернул лапу назад.

Стараясь не хрустеть сучками, я взял бинокль и поглядел в него. Перед медвежонок на земле сидела лягушка. Медвежонок тянет к ней лапу. Лягушка делает в сторону небольшой скачок. Мишка тоже неуклюже подсакивает вслед. Он принимает это за игру. Так они добираются до





Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

ближайшей лужи. Лягушка прыгает в воду, медвежонок суёт туда лапу, отдёргивает, трясёт ею и с удивлением смотрит: куда же девался его новый приятель?

Постояв в недоумении возле лужи, медвежонок нехотя отходит и бредёт дальше прямо к моему шалашу.

Я не могу оторвать глаз — до чего он хорош, такой с виду мягонький, толстый, неповоротливый!

Медвежонок подходит ко мне ещё ближе. Это уже не совсем хорошо: ну-ка, заметит меня, испугается и закричит. Тут мамаша может броситься на защиту. Я пробую отогнать незваного гостя: еле слышно щёлкаю по биноклю пальцем.

Медвежонок мигом услышал. Вот какой слух! Он поднимается на дыбки и пытается заглянуть в шалаш. Наверное, он уже заметил меня, только не может понять, кто это сидит за ветвями. Любопытство его

разбирает. Он наклоняет голову то в одну, то в другую сторону. Какая плутоватая у него мордочка, ни дать ни взять — озорной мальчишка! Кажется, сейчас скажет: «Дяденька, ты что тут делаешь?» Вот он неуверенно делает шаг-другой в мою сторону. Нет, это уж слишком. Так, пожалуй, он и в шалаш ко мне заберётся. Пора кончать игру.

— Кыш ты! — и я громко захлопал в ладоши.

Эффект получился полный. Медвежонок рывкнул, перекувыркнулся через голову и со всех ног кинулся к матери. В один миг вся семейка исчезла в кустах.

Я вылез из шалаша. Вот и конец охоте. Значит, придётся домой возвращаться без дичи — пустым. Ну и что же! Разве такое знакомство в лесу не стоит убитого тетерева?

Конечно, стоит!

ПЕССЕТРЫ



Э. ОСТРОВСКАЯ

Картошка

Шутка

Посадили мы картошку.
Мама — в поле,
Я — в саду.
Мама — много,
Я — немножко.
Я всего одну грядку.

Чтоб моя росла скорей,
Я весь день
Тружусь над ней.
Я минуты
Неподвижно
У картошки не сижу.
То подальше,
То поближе
Я её пересажу.

— Будет чудо-огород, —
Говорит сосед Серёжка, —
Если вырастет картошка,
Несмотря на твой уход.

ОБЕЩАНИЕ

— Папочка, подари мне барабан.
— Я бы подарил, сынок, да боюсь,
что ты будешь мешать мне работать.
— Что ты, папочка! Я только тогда
буду барабанить, когда ты спать бу-
дешь.

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Китайская сказка

Жил когда-то в Китае простой башмачник. Из деревяшек он мастерил подошвы, из лоскутков материи верхи, — вот и получались у него настоящие туфли. Он и продавал их на базаре таким же беднякам, каким был сам. Но что поделаешь, стал бедняк прихварывать, и дела его пошли хуже. Настал день, когда он не смог вынести на базар ни одной пары туфель.

— Послушай, муженёк, — сказала башмачнику его жена. — Ты не горюй. Я знаю, как поправить наши дела.

На другой день на лотке башмачника появилось множество новых туфель. Теперь его семья была спасена от голодной смерти. А бедняк от радости совсем поправился и принялся работать, словно молодой.

Был у башмачника сосед. Он продавал календари на базаре. Вы бы посмотрели, как их раскупали! В самом деле, разве найдётся человек, который не захочет узнать, какой будет завтра день.

Хорошо торговал богач, да всё ему было мало. Так вот, его жена видела, как опустел лоток бедного башмачника, а потом каким-то чудом снова заполнился товаром.

Вот жена богача и решила всё разузнать. Она пришла к жене башмачника, будто бы навестить её, и спросила:

— И как это твоему мужу удалось поправить дела?

А бедной женщине что скрывать?

— С давних пор, — сказала она, — ежедневно я откладывала одну пару туфель про запас. «Сделаю и я так!» — решила жена богача.

Прошёл год.

— Ну, муженек! — сказала богачу его жена. — Теперь мы чудо как разбогатеем! — И она показала мужу календари: они были свалены целой грудой — Неси их на базар!

Но что мог ответить богач? Он только в ярости бросил пачку календарей в печь, прямо в огонь!

Ведь все припрятанные его женой календари стали теперь прошлогодними. Ну, а кому нужны прошлогодние календари?..

Перевёл Плотников

СТРАННИЦЫ

ЧАСЫ ГАРСЕВАНА



— Ты куда несёшь петуха, Гарсеван?
 — К часовщику. Он у меня вместо часов: всегда в восемь часов утра поёт. А как началось лето, совсем испортился: то раньше запоёт, то позже. А я то просыпаюсь чуть свет, то в полдень... И что в нём сломалось — никак не пойму... Пускай часовщик проверит.

МАРО АБРАМЯН

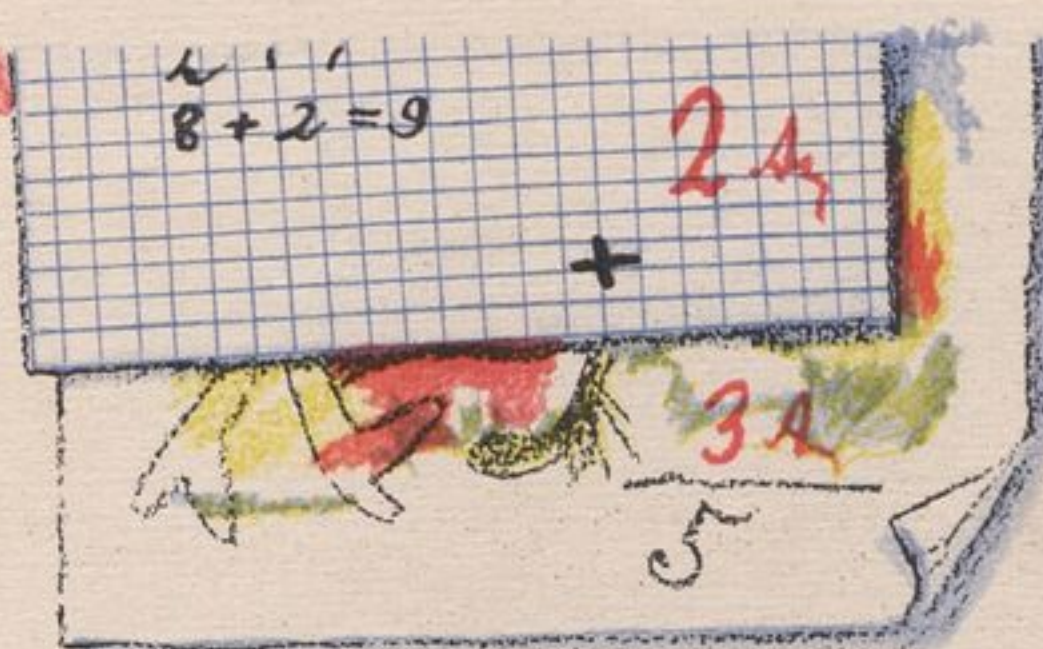
В общем „пять“

— Какую отметку ты получил сегодня? — спросила мама своего сына.

— В общем „пять“, — неуверенно ответил сын.

— Ты получил пятёрку? — обрадовалась мама. — Чем же ты тогда недоволен?

— Так это в общем „пять“: три по рисованию и двойка по арифметике.



В. ШУМИЛИН

Скажи мне по правде,
 Гаврилов Борис,
 Сколько ты ручек
 За год изгрыз?

Разве так можно?
 Ведь с каждой полочки
 Тебе покупают
 Родители ручки.

ПОЧЕМУ У ПЕТИ НЕ БУДЕТ КАНИКУЛ

Маленький Петя стоит на улице и горько плачет.

— Почему ты плачешь? — спрашивает его прохожий.

— Потому что у всех детей будут каникулы, а у меня нет!

— Но почему же у тебя не будет каникул?

— Потому что я ещё не учусь в школе.



Сегодня в первом классе
 Общее собрание.
 Сегодня в первом классе
 Идёт голосование.
 Выбирает старосту
 Сегодня первый класс.
 — Какие предложения
 Имеются у вас?

Тридцать первоклассников
 Руки поднимают,
 Тридцать первоклассников
 Друг друга называют.
 Никого обидеть
 При этом не хотят —
 Выдвигают в старосты
 Сразу всех ребят.

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

ПЕРЕПУТАННЫЕ БУКВЫ



Какие буквы встали не на свое место? Пожалуйста, возьмите карандаш и наведите порядок в словах.

ЧЕРЕПАХА

КЛЕМЕНТЕ БОНДИ

Утром черепаха рано-рано встала.
Есть у черепахи важных дел немало:

сделает шажочек —
сядет под кусточек,
сядет под кусточек —
отдохнёт часочек.

Прошло пятнадцать часов —
прошла пятнадцать шагов.

Солнце закатилось,
тихо ночь спустилась,
черепаха наша
очень удивилась.

И, на звёзды глядя, так она сказала:
— День какой короткий... Я совсем не знала...

Перевел с итальянского
А. Тверской



ПОЛОЗ



Под ишистыми деревьями,
Сухой листвою шурша,
Самшитниками древними
Ползёт он не спеша.

Недаром назван полозом
Огромный этот змей:
За ним ты видишь полосу,
Точь-в-точь как след саней.

СОРОКА



Белобокая сорока
По дороге скок да скок.
Вот уже в листве высоко
Чуть замечен белый бок.

Вот как камень вниз упала
И в траве схватила кость.
Вот она застрекотала.
Это значит: близко гость!

А. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

МАНГОБЕЙ

Я, признаюсь вам, не знаю
(Не встречался раньше с ней),
Где прописана смешная
Обезьянка-мангобей.

Если знаете вы сами,
Из каких она краёв,
Срочно шлите телеграмму,
Чтоб скорей найти её.



ЛАКОМКА

И. КУРЛАТ



Застыл я на миг, увидав
Сквозь чащу такую картину:
На задние лапы привстав,
Медведь объедает малину.

И я не боялся глядеть,
Не стал убегать что есть мочи, —
Уж после малины медведь
Закусывать мной не захочет!



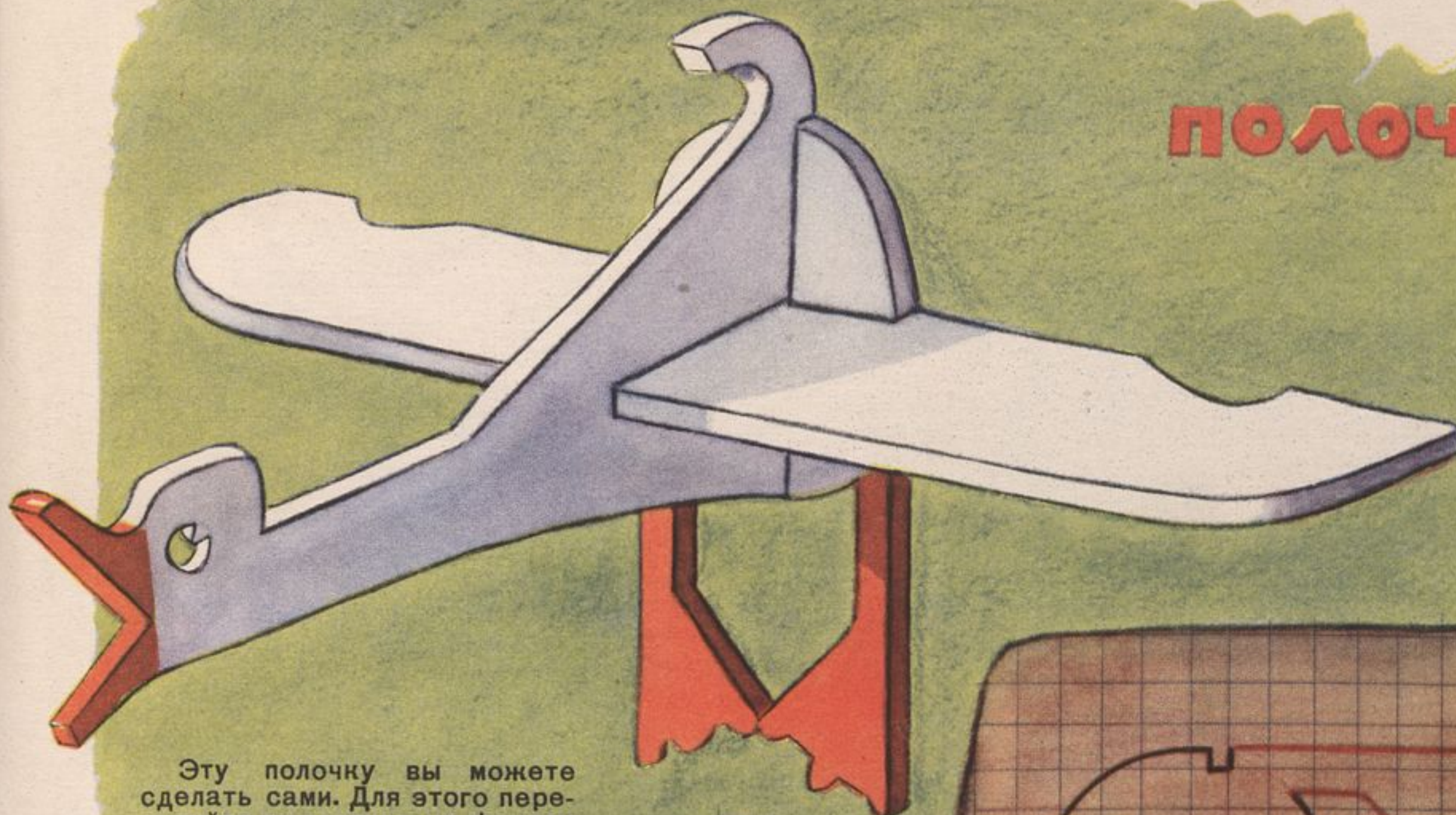
ПЁСТРЫЕ



СТРАНИЦЫ!

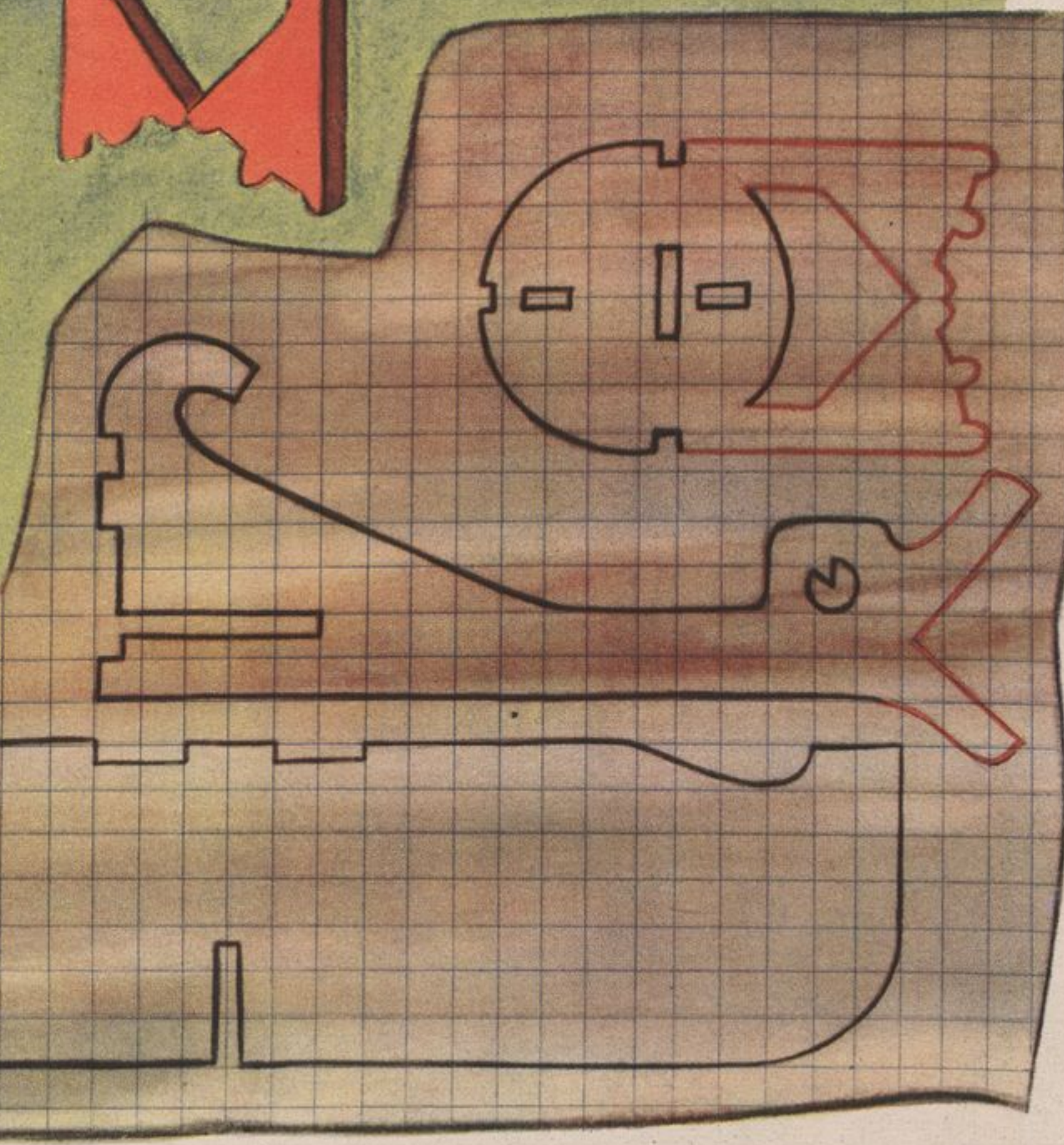


ПОЛОЧКА



Эту полочку вы можете сделать сами. Для этого перерисуйте по клеткам на фанеру рисунок, который изображён в журнале, увеличив его в два раза. Потом выпилите этот рисунок лобзиком, соберите на клею и покрасьте масляной краской.

На шею „гуся“ можно вешать полотенце, а на крыльях разместятся зубной порошок, мыло, зубная щётка.



На обложке — рисунок Т. Ерёминой

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камнин

Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.

Технический редактор А. Бодров

Год издания тридцать первый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А00369

Подписано к печати 2/IV 1955 г.

Бумага 60×92¹/₂=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8

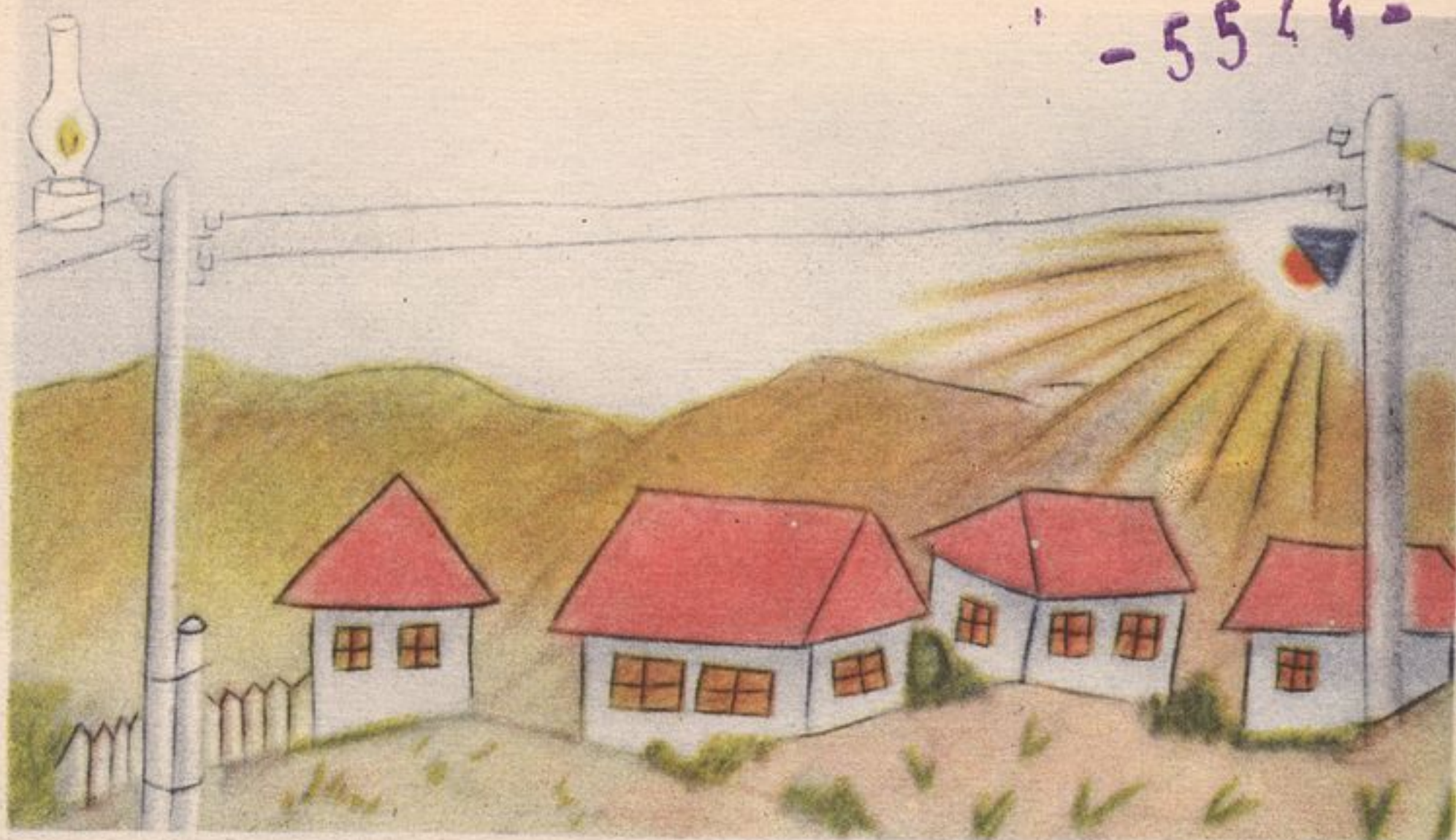
Тираж 650.000 экз.

Заказ 567

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

„От керосиновой лампы
до электричества“.

Ногь Эдит, 3-й класс,
г. Деж, Румыния.



„Молодёжь всех народов
протягивает друг другу руки
в знак дружбы“.

Дитрих Герберт, 12 лет,
Германия.



„Переселенцы строят
себе дом. Работа кипит“.
Гюнтер Соватциг, 9 лет,
Германия.

„Тракторы вышли на поля“,
Роста Тома, 4-й класс,
Румыния.

